

Юрий Смирнов

ФРАУ И ГОЛЕМЫ

СТИХИ

Юрий Смирнов

ФРАУ
И ГОЛЕМЫ

СТИХИ

ЭВЕРЕСТ 2021

Дни этого года
Как слипшиеся макароны.
Неотделимы.
Неотличимы,
Как личинки белых драконов,
Как ленты белых патронов.
Бей, немой пулемет, коси месяц за месяцем
Мир мурмур вымерших сплетниц
Обсуждать более нечего,
Утро не мудренее вечера,
Утро — раненый в сонном бреду.

Мне хорошо здесь
И я никуда не пойду.

Ночи этого года
Как африканские озёра нежности.
Чад, Танганьика, Ньяса.
Чтобы добраться до точки относительной вечности,
Нужны прививки, загранпаспорта, визы, наличность,
Договориться с местным военным вождём,

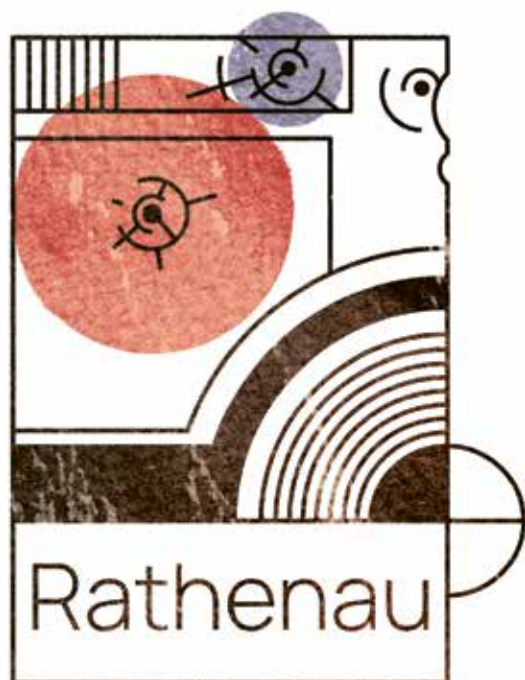
С колдуном и его чёрным ручным дождём,
С вирусным божеством
(Только его и ждём,
превращаясь в старое мясо).
Ты понимаешь, к чему я веду?

Мне хорошо здесь
И я никуда не пойду.

Пустоты этого года
Не заполняются более:
Алкоголем, трёпом, трипами, дрифтами, мятным
застенчивым стрипом, фриппом и ино-, пятыми
драфтами, седьмыми заповедями, брахманом и атманом,
синим бархатом, алым мраком твоей нежной заводи,
рамштайном утренней наледи ныне и присно, Христом
и Кришной, в центр мишени и мимо, не жить и не
умирать.

Я стою на вершине мира
И мне плевать.

ТЕМА ДЛЯ ВООБРАЖАЕМОГО ДОКА

В этом мае
Я, почти не хромая,
Проходил в день дистанцию марафона.
Бился на монтаже с перехроном
Первого фильма своего магнум опуса
«Десять великих групп исполняют десять великих опер».
Потерял и покой, и здоровье, и совесть.
Мечтал об одном — поскорее кончить всё это горе,
Сдать на платформу всю эту лажу,
И убежать из монтажки.

В первом фильме оперу Верди «Набукко» исполняли
«Маунтин», оживлённые нейросетью.
Монтажёр и оператор сети приходили уже набуханные,
один двигал таймкоды фильма, другой —
мёртвых жизней.
Лесли Вэст поет Измаила, всё время сбивается, курит,
травит байки про Вудсток и нежные пальцы
Ноэля Реддинга.
Говорит: «Блюз — это сила, а Верди — попсовый сгусток».
Мы пытаемся сделать что-то среднее между
классической оперой и сольным капустником пожилого
еврея.
Время, твердит голограмма продюсера, у тебя истекает
время.

Мне надо домой, перевязать случайную рану, я не
помню, где и когда порезал голень.
Дома дочери надо помочь с эссе для голландского
фонда и слетать с нейроклоном отца к Габриэлю Гарсиа
в Макондо.
Благо, в этом постпандемийном году самолёты —
недорого.

БОЖЬЯ КОРОВКА

Майское небо стремительно, как перехватчик.
Вот голубое с белым,
Как небесная ласточка,
А вот уже строгий чёрный клатч
С цепочкой молнии.
Или детское море
С разноцветными волнами.
Или полустёртая фреска
С седыми от ужаса воинами.

Удивляет другое.
Как за сто лет активности боевой авиации
Никто не додумался
Бомбардировать города
Живыми людьми.
Живыми в полёте,
Мертвыми при соприкосновении с почвой.

Майское небо ночью
Таращится тысячеглазым драконом,
Утром шуршит крылом махаона
Над плотоядным цветком цивилизации,
Вечером раскрывает секреты тайных космических станций
Скифов, апачей и неандертальцев.

БЕЛЫЙ КОД

Сидели с ним в фо сизонс,
Он пошутил ещё — как в форин офис,
Только в масках.
Он излагал предельно шумно для Дамаска —
Вот здесь поставим камеру в пустыне
И снимем все перемещения
Военных, штатских, шестиногих,
Бесконечных.
Потом добавим интервью
Несчастных женщин.
Монтаж, нетфликс, возможный оскар.
Когда-то здесь кормили острым,
Но долгая война — великий опреснитель,
А дома снег из платиновых нитей.
Летит и режет на куски.

Он весел был, но сделан из тоски.
Какой-то киприот, фракиец, левантинец...
Но — оксфордский оттянутый мизинец,
Но — итоновский торопливый смех.
Тройное дно, фальшивое безусье.
А дома снег вольфрамовой волной
Качает устье.

Я вспомнил.
Десять лет назад
В багдадском бабилон ротана
Я танцевал после стакана крови
И говорил:
«Сэр Роберт, мы установим камеру в пустыне,
Добавим интервью,
Нарежем трупы крупно,
Покажем би-би-си».

А дома снег, серебряные пули,
Кладет в виски.

И он там был,
Мой первородный грек.
Я вспомнил.
В какой-то форменке оона,
С какой-то беженкой из Хита,
С улыбкой скорпиона,
Столь явно неприкрытой,
Что Рене Игита за честь бы счёл
С ним выпить и напиться.
А дома снег.
И тангенс единица.
И задом наперёд летают птицы,
По-птичьи проклиная снег.

РЕМБРАНДТ

Я приехал.
Вернулся, никто не в курсе.
В этом городе верят,
Что я с Маском на Марсе,
Что я на арены Курска
Выхожу мирмилоном,
Что я в Лондоне
Развожу яд на электрокаре
И в Эль-Рее без глаз бренчу на гитаре.
А я серой тенью летаю степью.

Я найду друзей и с друзьями выпью.
Голоса их слышу,

Никого не вижу.
Только люди-мыши,
Только люди-жижа.
Вышел чижик гулять, да и не выжил.

Старый дом мой
Выглядит как девонширский замок.
Плющ, решётки и дым сигарный.
И выходит навстречу мне
Дивчина гарна,
Как сестра-близнец,
Как святая Анна,
Как подружка-гарпия-гурия-гарда.

«Здравствуйте,
Вы меня не знаете,
Я из службы замены детей отставших.
Мы с отцом вашим
Едем в Старый Ящик
Выпить вермут,
Послушать Golden Earring.
Я надеюсь, Вы настроены мирно?»

Я настроен мерно.
Как часы с угодом.
Я стою, опешив,
Будто я Джо Пеши
В «Казино» в финале.

И отец выходит.
И во взоре нефть нежность.
И она садится справа
в Эскалейд темнейший.
И она не женщина.
А я лезу слева,

Но отец сквозь зубы
Говорит:
«Эгрида стора трево».
И я понимаю:
«Брось, оставь в покое дверцу».

И во сне само собой
Зарастает мясом
Сердце.

НОРНИКЕЛЬ

Мама Маша даже и не пыталась врать,
Что папа Игорь — папа. Игорь Иосифович был такой
древний и такой белобрысый,
Такой белорусский,
Такой нос картошкой,
Такой аларих и хлодвиг,
Что было бы нехорошо
Приписывать его сперме
Лишний (и единственный) подвиг.
Пока Лёшка был мал,
Мама Маша юзала сказку,
Что Лёшкин фазер — военный лётчик,
Погибший при перехвате сумасшедшего американца,
Двинувшего на Норильск
Свой невидимый В-12,
Набитый атомной и другой бомбой,
Как клюквой — лукошко.
Но в младшей школе
Витька — отличник-дотошник
Объяснил Лёшке-лошку,
Что Бэ-12 — витамин от анемии,

И его, вероятно, пьёт его бледная мама,
А единственный самолёт
В-12 Мартин
Снят с вооружения до Христова рождения.
Лёшка сжался в кольцо обороны,
Как африканская чёрная мамба.
Решил для себя без снисхождения:
Нет отца — и не надо.

На поминках папы Игоря
Мама Маша выпила лишнего
И рассказала Лёшке
Под страхом небесной кары,
Что его батька — Всевышний.
Гости ещё доедали консервированную зайчатину,
А она ему в уголке Дома культуры,
Гулко нервно прокурено, —
Про непорочное зачатие.

Алексей Всевышневич не поверил сразу
В эту сказочную беременность,
Но потом ходил как под мятным газом,
Глаза закатывал,
Говорил: я херувим Харламов,
Я серафим Есенин,
Я аггел Ленин.
Мама Маша свезла его в интернат,
Где много летающих и мозаичных ребят.
Лёшка был там активист.
Он увидел в изгнании правильный смысл,
Заглушил в голове горный свист,
И был отпущен комиссией.

А у мамы Маши
Тяжёлый гость,

Камень мох, а в глазах
Невероятная скорость.
Сидит такой
Мёртвый,
Пахнет пещерой,
Пористый.
И входит Лёшка, за спиной рюкзачок.
И гость говорит:
А вот и мой дурачок прискакал.
А мама Маша шипит, почти не дыша:
Душа моя, это папаша,
Тигран Евфратович,
Палач магнитогорской ОПГ и шакал.

И включила на магнитофоне:
«Я так долго тебя искал
В королевстве кривых зеркал.
В королевстве кривых зеркал».

СБОРНИК ЭССЕ

Пил во сне с Женей Никитиным.
(так-то в реальности мы никогда не увидимся,
да и в матрице он меня трижды забанил)
Пили в Херовогаддо,
В старом домике на окраине Чичен-Ицы,
Где время имеет теченьице Сугоклеи:
То ли течёт себе вспять,
То ли стоит на месте.

Значится так,
Я, перепачкавшись по уши в личном квесте,
Заталкиваю велосипед в калитку,

Глядь — спускается по Мичурина
Серопальтишный Никитин,
С женой новой,
Не такой симпатичной.

Ну, пригласил, конечно.
Водку откупорил,
Поставил варить каштаны.

Мы пьём и не пьяные,
(Пьяные, говорит Женя,
Но не совсем)
Обсуждаем себе книгу эссе
О немецком поэте Хальте,
Собранную русским поэтом Битте
В Питере,
Чертим карандашами по скатерти.
Короче, заняты важным.

Я говорю: «Женя, ко мне поехали,
Там водка чище,
Там Маша».
«А это мы где?» —
Он спрашивает.
«Это дом, где умерла моя бабушка.
Вон ее форд мустанг оранжевый».

И мы, вероятно, уехали.
И пили, и обсуждали печатное.
И кости моих стариков мирно спали,
И сгнившие рты молчали.

ЗЕЛЁНЫЙ ЛЕС

Он поднимал палец вверх
Так, словно делал попытку
Пробурить потолок аудитории 719,
Прошить ещё семь этажей,
Включая чердак, где, по слухам, жил дух академика
Каплера,
Злое нелепое несущество,
Разорвать черепицу
И проткнуть стратосферу.
Он поднимал чёрный палец
К бледно-белому небу
И говорил:
«Правое полушарие отвечает за гнозис,
Поэтому коммунисты —
Поголовно материалисты,
И мир их — пустая плоскость».
После чего смеялся
Предельно мерзко.
Так хихикает сельский дурак,
Наблюдая из лопухов
Как насилюют практикантку-студентку четвёртый день
в школе, сука, дала бы сама, была бы целее.
А еще он озвучил:
Зачёт — литр разливного плюс копчёная рыба средней
длины;
Экзамен — три литра, три рыбы, сигара, их продавали
в госпроме, реликты кубинского братства.
В студгородке нигерийцы делили с кавказом вчера ещё
иллюзорный, а ныне космический рынок наркотиков.
А он начал падать в тихие обмороки что-то отказывало
в голове говорил мне я уже дед а люблю её люблю не
могу не любить а ей девятнадцать лет а я лысый.
Пивной ресторан «Витязь» видел нас.
Пивной ресторан «Янтарь» прятал шесть месяцев кряду.

Потом он шагнул из окна
Семьсот девятнадцатой,
Когда узнал,
Что она (ширяется с африканцами хмурым) дриада.
Нимфа зелёного леса.

Где ему никогда не найдётся места.

ОСТРОВ ВСЁ

Праведный сценарист
После смерти
Попадёт в свой лучший сценарий,
А грешник, увы, —
В наихудший,
Ещё и на стадии пятой постыдной кроваво-чернильной
правки.

Итак, если сумма моих добродетелей
Будет выше суммы грехов,
Я буду из-за забора смотреть,
Как юная женщина входит в дом пожилого мужчины,
И через десять минут
Рука
Занавеску задёрнет,
Тонкую,
Хитрую,
Её вроде нет,
А она как покров,
Как силовое,
Как туман в феврале.

Если же сдохну я в нечистотах души,
Буду смотреть через забор
(Зачёркнуто, лишний план),
Как в пустой дом входит призрак
(Зачёркнуто, Юрий, у нас мелодрама!),
И через десять минут дом исчезает.
(Мы запутались!)

Ультима туле.
Остров Горельской гряды.
Итытруп ли, иль Щекотан.
Бог говорит:
«Если бы я был диавол,
Я бы тебе указал
На пролив
И сказал —
Там Магадан».
Помолчал и добавил:
«Но там Никогдан».

ПОСЕТИТЕЛИ

Небо ко мне заходило,
Сидело у койки,
Держало за руку,
Шептало:
«Сколько ещё осталось?»
Муркнуло и сбежало
В чашку синайскую — чаем,
И в глаза — синей лавой.
Шалость неба-шалавы.

Море стучало в окно,
Галькой шуршало,

Мол, «Открывай,
Крабовая рука,
Я приплыло издалека,
Я принесло подарки,
Якоря, глубоководные мины,
Твои онкомаркеры».
Море заботы.
Залив свиней-идиотов.

Дерево выросло
В спальне,
В долине Уныния,
Под горой Препаратов.
«Ты предупреди,
Мой друг прикроватный,
Противорвотный,
Когда мне умирать-то».
Хочет стать моей домовиной.

В море из неба ныряют пингвины,
Бесхвостые и лишённые разума гибели.
Небо становится мятной памятью,
Море — екатовским снегом,
Дерево — красной мебелью.

2021

Мне снится,
Что я в медицинском шатре
В Чичен-Ице
Лежу на сгоревшем боку
И ем, ем, ем чечевицу
Из миски.

А рядом,
С тряпичной мышью в руке,
Умирает мессия,
И шепчет мне:
«Брат, не успеваю, не успеваю, не успеваю
Спасти нас».

А в миске моей
Уже счастье пречистое:
Пасхальные сливы,
Оливы господни,
Маслины бандитские.

Боже,
(от нераба твоего и твоего сына)
Пошли нам исподнее,
Итальянское,
Одновременно приличное и неприличное,
Чтобы не было стыдно
Пред медсестричками.

БЕЛЫЙ ПЛАТОК

С тридцати трёх земля кажется
Белым монастырём
На дне ледяного озера.
Монахи спешат по делам,
Бог на стеклянной иконе
Весел,
Подтянут,
Красив,
Как советский гимнаст Николай Андрианов
В тисках монреальских колец.
И это ещё не конец.

*

Я вхожу в зимний сад под землей.
В небе кварцевом летчик
Мертвой петлей
Машет мне.

*

С двадцати двух земля — словно клей
На ловушке для мух.
В придорожном трактире
Для слепцов и поводырей.
На убитом тракте
На пути к святой Катаракте
На берегах священного Ганглия.
И так далеко ещё до
Омовенья финального.

*

Под подземной пальмой
Камасутрой катальпой
Я лежу и не вижу
Пилота с его катапультой прощальной.

*

С одиннадцати земля становится тщательно
сконструированной машиной пыток,
Душегубкой.
Такую фашисты ставили
В каждом районе города.
В набор смерти входил патефон и пластинки.
Возможно, существовала
Специальная секция
Композиторов,
Пишущих музыку
Для душегубок.

*

Я касаюсь губами
Системы рекомбинации
Эпителиальных покровов
И кровеносных трубок.
Бог мой,
Женщина,
Расчёсывающая волосы
Жёстко и даже грубо,
Словно в рекламе
Свидетелей Кали в ютубе.

*

С метра земля говорит
Голосом мамы:
«Мальчик, я тут»,
Потом превращается
В бетонный батут,
А ещё через миг —
В нежный пуховый платок,
Что до сих пор
Так и лежит
В её шкафу.

